

Владислав Авдеев

Lettres Noires

Владислав Авдеев

Lettres Noires

«Издательские решения»

Авдеев В.

Lettres Noires / В. Авдеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506749-4

Сборник стихов Lettres Noires представляет собой порой простой, порой рубленый и витиеватый язык магического реализма. Автор жил, как писал, и писал, как жил, соблюдая в своих словесных фантазмах правдивую имманентность этому миру. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-506749-4

© Авдеев В.

© Издательские решения

Lettres Noires

Владислав Авдеев

© Владислав Авдеев, 2019

ISBN 978-5-0050-6749-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.

Дорога свет-полоской,
Поясом твоего халата,
Ниточкой неброской
С высот, где нету блата,
Где только мост из судеб,
Стальной на старте низком.
Он не скрипит, не судит, —
Несет, чтоб было близко.

2.

Вот куплю себе полуботинки.
Торжищу навстречь пойду в мороз.
Иней моей девочки-картинки
И снега сбивают талый форс

Нет, не взять мне новых лун в карманы.
Не поправить согнутый хребет.
Под Норильском ветры-растаманы
Злой поземкой лижут холод лет.

В рубище и с затканным гноищем
Я сойду в последнюю пургу,
Чтобы Небо над моим вретищем
Завывало вьюгой «не могу».

А пока томлю твою улыбку.
Ем твой хлеб волос, пью волю глаз.
Завтра все отдам полуботинку,
А сегодня будет казнью нас.

3.

На балконе нашел позабытую слойку.
Думал – в пузе пропала, а она стала стойкой.
Да, в ней не было похоти искренней сдобы,
Но она сохранилась нежеванно доброй.

Здесь – возможная плесень бездушной морали:
Коли вас зажевали, то отлично ебали,
И пора возвести свой балкон пресыщенья
С неперменным восторгом от трона прощенья.

Вешни зори, закаты, скулящие корги.
Вечны только забытые слойки и морги.

4.

Южнее
Важней
Горячее,
Южанки
Сгорают
Скорее.
А дочери
Севера
Злее и
Хрупкости
Холода
Скованы
Клеем,
Поэтому
Этим
Важнее
Нежнее,
Чтоб
Гладили
Им
На пороге
Холодные
Длинные
Ноги.

5.

Не стоит слать туда послов.
Достаточно всего трех слов.
Офшор, Nasdaq и кутерьма.
А этим – пиво и тюрьма.
Боа, стик, перья экзо-шуб.
А этим – ладанку для губ.
Le Cinq, адалт и Манафорт.
А этих – в затонувший борт.
Два слова пенятся в крови:
Дави.. кропи.. кропи.. дави.
И восседает Вельзевул, —

Себе он третье застегнул.

6.

Власть это сласть
Spumante d'asti,
Мастифа масть
Класть пасть,
Пропасть в ненастьи.

7.

Искусство жизни

«Почувствуйте пагину.
Такой была жизнь»» —
Экскурсовод переводит стрелки,
И стертой эпохи минет и аминь
Тенятся на ключьях отделки.

Под сенью дворцовых резных потолков,
Как паровая котлета,
Бугрится стамина заветов и снов
И выгорает на этом.

Ты марой стоишь у далекой стены.
Глаза выражают конечность.
Я знаю, что плотью ты мяла хуи,
А сердце кончало на вечность.

Я вижу тот взор, что за внешним стеклом —
Он сделан из полиметалла.
И коль без гвоздей твой построен дом,
Тебе было этого мало.

Когда шли стальные дожди чередой,
Ты им улыбалась вослед.
Молитв не читала ты перед едой.
В аду не готовят обед.

И вот ты стоишь – и горят маяки,
Как в дни Атлантиды седой.
И я твой рисую портрет из муки.
А, может, из муки с бедой.

8.

Аврал в ниббане —
Варрава в бане,

И раны Ване
(Иоанну Крестителю)
Нанесены.

Но вины равны.
Все своенравны.
И вина ранним
Принесены.

9.

Ходите на Лебединое озеро.
Лежите на Ходынском поле.
Вы целью на тепловизоре.-
В смешном головном уборе.

10.

Растворимая луна
Мудрой нежности полна.
Мудрой нежности из плена
И волнистого вина.

Я ее круги омою
Междуречьем душных глаз
И свою обитель скрою
В мятых сборках ее фаз.

Но ее сиа-сестра
Мглистой дерзости полна.
Мглистой дерзости из тлена
И землистого вина.

Я ее ничем не смою.
Темью сны обожжены.
И качает надо мною
Губы двойственной Жены.

11.

Мне хочется,
Чтоб пыль сошла на нет,
Живым соделав рвение,
И волей,
Не той, что шла под черный пистолет,
Рождася светом
Из тенистых болей.

Тогда я буду весел и сноров,

Глотая песни лестницы скрипучей,
Неся тебя в наш кров
Без лишних слов
И взглядом ворожа
В глазах твоих певучих.

12.

Злые – это добрые.
Добрые – это злые.
Наши закаты пробные.
Наши восходы седые.

13.

Сон угнетенный в облике дня, дня насущного хлеба.
Тюлю спадают дрожинки дождя, теряет сознание небо.
Только Ты у меня до легких вздохом и следом.
Только Ты из огня, горящего в сердце обетом.
Стали слова скудней – кормлю ими печку жизни.
Глубже любить важней – целым, без швов укоризны.
В этот особенный день пою Тебе, ангел, трубою.
Ты рождена теперь, я окрылен Тобою.

14.

Ты, без сомненья, нежность и восторг,
Бессонниц ночь и мрака озаренье.
И вечно счастлив тот, кто, видит Бог,
В мечтах твое возносит оперенье.
Да только не ищи простых дорог —
Не угадать их в окрике совином..
Мы через лес густой идем без задних ног,
Но нож зари окрасит нас кармином.

15.

Поле боя, где не было боя,
Усеяно чем? Может,
Звёздами? Я уточню, —
Сказал трубадур
И без перебоя
Рассеянно
Гложет
Глазами
Меню..

Вот, водку подносят
С кручиной олдбоя,

И нужно
Построже,
Поближе
К огню..
Коси,
Сарасвати,
Нас всех
На корню.

16.

Хрупкая девочка милая,
Хрупкая девочка, эй,
Я ведь тебя не помилую
Ради своих сухарей.

Явишься спутанной проседью,
Колкой кручиной бород, —
Я назову тебя осенью,
Листьев кляня недород.

Хрупкая девочка милая,
Хрупкая девочка, эй,
Рвет воронье за равниною
Маки твоих козырей.

Сердце взрывается наледью,
Злом обездвиженных вод.
Плачут акации камедью.
Рвут заклинания рот.

Хрупкая девочка милая,
Хрупкая девочка, эй,
Нет на земле, за могилою
Глаз твоих света родней.

17.

Ты боль моя
И радости игла,
Пронзающая тени ярким светом.
Когда бы крылья были мне ответом,
Я захлестал бы ими купола
И ввысь, теряя перья, потянулся,
Но, опаленный, я к тебе вернулся
Коптить лампаду утлого угла.
Ты падчерица маковой луны,
Ходящая по листьям убеждений.
Из всех нагих изысканных творений

Ты хрустом грез сильней упоена
И, разжигая верою сомненья,
Поишь в себе ночные отраженья
До самого пещеристого дна.
Ты магия на площади Судьбы,
Туманящая атриум и портик.
Твоих наяд взлетает вечно кортик
Предвестием отчаянной борьбы
И, вознося, мгновенно заземляет,
Но я лечу, и мне любовь кивает
Насурмленную бровью похотьбы.

18.

По-хорошему, ты знаешь, девочка,
Если я до времени уйду,
Мне твоей любви земная стелечка
Путь сверстает в родину мою.

Не хочу казаться я навязчивым,
Не хочу предсердья разрывать.
Я к тебе пришел не злобным ящером.
Мне б тобой ходить, тобой дышать.

С первых губ я знаю слово вечное,
Что дает мне право быть в живых
И с тобою счастье человеческое
Защищать от лилий гробовых.

Если я уйду, то буду светел я,
Потому что ты меня взяла,
На вопросы все мои ответила,
Тени отпустила удила.

А пока я жив, прими признания,
В устья уст запаянные вновь
Жарким поцелуем обожания —
Светлую и тварную любовь.

19.

Меряй меня не сейчас, меряй меня по итогу.
Может, так проще дойдем к нашему смелому Богу.
То, что ты пылью зовешь, просто неверие в лица.
Знаешь, но не узнаешь. Светит, но слепит зарница.
Раны мои не нытье. Зовы мои не победа.
Через посуды битье я доживу до обеда.
Не потому, что герой или слабак заверений.
Верить мне любо тобой – верой любить без затмений.

20.

Ангелы в твоих глазах не просят есть и пить,
Ангелы в твоих глазах не стонут.
Тянут сердце сквозь протянутую нить
В нежный и родной до боли омут.
Там, я знаю, пламенная печь,
Два бокала, мягкие оборки,
Падают тенями с малых плеч
Тоненькие шелковые шторы.
Плоть и кровь не ведают стыда,
А за ними вижу воскресенье,
Тающее кубиками льда
На губах всеобщего творенья.

21.

Я шел из себя,
Чтоб найти мудрецов
Долиною злою,
Дорогою вшивой.
Пришел, – а они мне,
Лакая винцо:
Иди ты на хер
Пробужденного Шивы.
Он в сердце твоём
Распускает цветок
И плети сосудов
Рвет бляшками крови,
Пока губ голодных
Печется каток
И взор не затмит
Темно-красное море.

22.

Тикают часики. С каждым раундом
Больше слякоти грязного теста.
Звезды втаптываются андерграундом
В судно выбеленного насеста.

Тикают часики из-под лобного
И надлобного межеумия.
Стрелки падают и возносятся.
Им ворочаться до безумия.

Тикают часики околесицу,
Навостря топор Эреба.

Мы пеньками корчем лестницу,
Уводящую нас от неба.

23.

Вы хотите сырниками лечить ожоги?
Вежливые. Вон какие пятна.
Рассекаются – словно под Бога строги —
Кожей навыворот, напятную.
Вейтесь без рвения, последним воздухом дайте
Надышаться до одури, до извлечения.
Не над свертком помятым же резонов-проводов
Всхлипывать патокою эго-горчения.
Нет! Дергаться, скрошиваться до обезвоживания,
Обеспричинивания и всепрощенья.
Чтобы остатки выкликать не останками,
А резать по сладкому сокро-крысенному.
В сугробы вишнями стрелять с полустанка
В метели вешней проезжей истины.

24.

Когда неба седеют границы,
Серый свет неподатливо груб —
Терпкий бархат заморской корицы
Промокну в уголках твоих губ.

За сплетением плоти таятся
Нерожденные дети-слова.
Их безумью дано совершаться,
Поцелуем вступая в права.

А в надвечном пути коридоров
Бесконечных вспотевших зеркал
Я пою безысходное слово,
От которого прежде взалкал.

Оно мышкой угольной забьется.
Оно птицей протяжно взлетит.
Оно хрупкое, только не бьется.
Несказанное – только звучит.

25.

Господи, сделай меня безымянным.
Сорви кумачом с кулака воли.
Лучше быть вывихом иссиня-пьяным,
Чем выступом биться в клеммах Ангелов Боли,
Чем хуком бить в стену

Земного плача,
Костяшки сбивая в измену, —
На сдачу.
Господи, сделай меня безымянным.
Ты же хозяин песчаной дачи.
С идола сбей прибойную пену
Хвостом разыгравшейся бледо-клячи.
Два слева, два справа – мои конвоиры.
Правые слабостью ближе к обрыву.
Что слева – большой, указательный —
Мать да отец, – надзиратели, – развели сушу,
Родили дыру величиной с душу.
А к водам путь упряжка лихая —
Коса да камень, услуги рая.
Волочат воочию к последней влажности.
Господи, сделай меня безымянным.
Я так люблю ее в моей сермяжности.
Глотаю ртом, свожу в промежности,
Комками горла ей вою нежности.
Господи, сделай меня безымянным.
Сгармонь листом из твоей книги
И пусти корабликом мокнущим, рваным
По донным грязям плясать вериги.

26.

Я совсем позаболтанный в этой степи.
На залом ни к чему насовсем неприжатый.
Только кляцает нёбо разверстых стихий
Да волочится хвост по земле мешковатой.

27.

Твои туфельки плачут блеском
И скрипят, как «„скрипач на дне“»,
Попритихший под пепла треском,
Убывающий вслед луне.

28.

Моей Герде

В этом мире знаешь, сколько проталин..
Собираю их, а они тают. —
Ворочаются, звенят сливом
Сквозь кисти рук на весны могилу.

Я пальцы драл о наждак ледяный
И кровью вод затмевался, пьяный.

Рождал косяк рыб тугой боли,
Когда обмяк – плел снега воли.

Проталин милых я нежу ребра —
Ногтями вилы врезаю твердо.
И рою-крою, чтоб твердь проплакать.
Без перебою – а в пальцах слякоть.

А в пальцах слякоть без вод движенья,
Рвань заусенцев и кровь-варенье.
В них сладко вязну, и мерзну тоже,
А ты журчишь под моею кожей.

29.

Я просто так люблю твою улыбку,
Что, как бы ни был день обманный бел,
Пускаю в вязь небес за рыбкой рыбку,
Чтоб разноцветье их сплелось меж наших тел.

30.

Предвечная любовь, последний край
Без берегов, околиц и названий.
Грызи-кусай надломленный свой пай
И собирай осколки состояний.
А сердце верит, что недужным быть
Не может зев зари над дымной сопкой.
И если предвозвещено остыть,
То назови меня, мой Бог, сироткой.
Нам некуда и некого бежать.
Я утонул в Ее протяжном взоре.
Ты можешь болью знаки расставлять,
Но что изменит это в разговоре.

31.

Я знаю только полные слова,
Что мы кидаем градинками смеха,
И в устье уст клонится голова —
За малым вычетом, несносная помеха.
Я вижу наши больные круги
Из радиантов памятного света,
Как будто в каждом рвется «„помоги“»
И исчезает в самости обета.
Я чувствую звенящие огнем,
Кимвалами рассеянной надежды
Несброшенные сумеречным днем
Колышимые белые одежды.

32.

И мы бросали броские слова,
И мы рядили рядышком надежды,
И сны волов влачила голова,
Платками красными чертя чертей им в вежды.

А знаешь, я совсем слепой пастух,
Обувкой ног позорящий отару.
И было б где ступить, но волен дух
С туманом топь помешивать на пару.

И все же мы идем на наш форпост.
Искрится снег улыбкой полубога,
Когда луна роняет зябко хвост
В узлы теней из мрачного острога.

Мы истекаем кровью десятин
За те грехи, что жизни в нас вселили,
Плетьями исповеданных причин
Стегая рты, что так любить просили.

33.

Я приехал, не вернувшись,
И все там же, где с тобою
Мы, калачиком свернувшись,
Знаем цену сердца бою.
Это сумрак бесконечный, —
Когда в тело зга уткнулась,
Поверяю мир беспечный,
А душа с Тобой сомкнулась.
И да, верно, мир потерял,
Никогда он не был нашим,
Мы с Тобою без затей
Новый сделаем. И краше!
Потому что в беспределе
Хаотической вселенной
Мы друг другом жизнь задели.
Это правда. Внутривенно.

34.

Ты моя нагая вишня,
Я тебя зимой укурю
Белым-белым многотишьем,
Звездным-звездным аналоем.

До весны мы будем жаться
Под вестальной кисеею,
Крепко лапками держаться
Там, где ветка нас с тобою.

А весна придет поплакать,
Мы нальем ей наши соки.
Наши косточки и мякоть
Свяжут сладкие протоки.

35.

Подведи отколотым горлышком
Сочащиеся скрижали.

Мы трахнутым небом воробушком
Концы проводов зажали.

И сталью бежит электричество,
Стройнит радианты крыл.

Такое вот наше лесничество
Родящих друг друга светил.

36.

Обернуться, чтобы вновь расстаться,
Чтобы снова болью в небо лечь,
Расстоянью горько посмеяться,
Поцелуем сладким пренебречь.

Покатиться катышками соли
Слабостью рыдающей спины
И ногами тень свою мусолить
О разменность осени казны.

Я спиною добываю руды.
Я спиною чувствую навзрыд,
Как волос твоих летящие Гертруды
Овивают наш священный стыд.

И с тобой вовеки, голубица,
Тень свою я буду дожигать,
Чтоб согреть золою наши лица,
Чтобы светом небо расстрелять.

37.

На мозговые входящие

Отвечать не буду.
Ведь никто не обрящет,
А у нас убудет.

Лучше шли мне сердца
Глотки захлебные.
Никуда не деться.
Единоутробные.

Плеть набухших почек
Под ручьем плаценты.
Доктор сделать хочет
Нам аборт за центы.

Но возьмет, мразюка,
Пяткой в глаз позорный.
Если жизнь и сука, —
Я щелей дозорный.

38.

Любовь это не спор
Без толку и конца,
А пламенем костер —
Ожогом в два лица.

Когда один поет,
Другой глотает страх.
А время не идет.
А время на губах.

Впотьмах угли-жара
Слепляет веки в кровь.
Предвечная пора.
Раскаянная бровь.

Склоняется ковыль
На пепельный оскал.
Поэма или быль —
Надежда иль тоска?

39.

Мы штопаем наши тела, апрель,
Чтоб души селью не разлетелись.
Мы штопаем. Скрипит постель.
Скоро капель и опрелость.

Собьемся ль нежностью, ну и пусть,

Дострочим расстояние грусти,
Губами – нитями наизусть
Срываясь, где шов попустит.

40.

Я знаю почему Бог молчит —
Когда ведаешь, говорить не о чем.
И ты, нищий, кричи не кричи,
Подкуй коня кругляшами мелочи.
Сорви узду в нутряной ночи,
Цветами черными сомни немочи.
«„Аз есмь“» совсем не велеречив,
Он сам спотыкает заманчиво
И ладит новые кирпичи,
И хмурится стыкам вкрадчиво.
Пойди, побренчи Spanish guitar,
И тебе промолчит Старик —
Пьяных кругов спитой господарь,
Клящий черновик.
Наш Бог, морщинист и недалек,
Все так же мерно пылит пороги,
Стесавши желобы утлых ног
Простой привычкой побыть в дороге.

41.

В доме нашем кофе клубится,
Бьется претворенным огнем,
Лодочкой корицы,
Палицей гвоздики,
Ядрами черного перца —
Вся война страстотерпца
От крестца ввысь до сердца.
Стебли повелики
В окно стучат, дики.
С виду и невелики,
А поди, щерят лики.

Глоток ты,
Глоток я.
Без воды.
Из огня.
Одной чашей.
Как души наши.

Цок каблучком, цок,
Напьемся стгоряча впрок
Ночной опавшей густоты

До зари
Я и Ты,
Я и Ты..

По рецепту умельца
Кофе Единотельца.

42.

Ты боишься, моя девочка, вещи.
Ты боишься, чураясь многого.
Что же, закружу тебя нежностью,
Ты дыши, я не сделаю подлого.
Если Бог зарядил свою кузницу,
Ангелочки узор подтравливают,
Выйдут статью перила с улицу..
Иль оградю в тишь сподабливают.
Понял я, что вся жизнь ступени —
И за каждую сырость сажи.
Только не было б смертной тени
Там, где солнце не билось даже.
Я к подолу сойду листьями.
Уберу твоих ног усталость.
На коленях сложу истины.
По губам шелестнуть осталось.
Ты дыши песню в небе розовом,
Проплыви этот путь до причала.
Я перила замкну образом,
Где мы вместе с тобой с начала.
И приеду вдогон за листьями,
Ну а там уж как Бог положит,
Застилая ветрами мглистыми, —
На закаты зарею, может.

43.

Santa Sangre

Мысли..огрызки графита..
Пыльным эстампом о тушу —
Зверствует кровь неофита,
Рвет свою тусклую душу.

Хочется в звезды собраться
И засветить по-иному,
Чтобы тобой надрожаться
Колотуном, по-большому.

Чтобы мерцанием света

В сером тумане вопроса
Колкою дрожью ответа
Шарить под юбкой без спроса.

Чтобы краснить твои губы,
Взъяря полетов вожжи.
Плачут по мне трезубы.
Мне бы сейчас из кожи.

Мне бы сейчас из кожи
Кровью во свет пролиться,
Там, где никто не прожит,
Сладко с тобой затмиться.

44.

Наивность идеалистов

Распустите тюльпаны звонниц.
Бейте битами в перепонки улиц.
На издохе пустите горлиц
Сердца, жгущего поленья шконки.
Во смарагд обрядите девиц.
За мачете возьмитесь дружно.
В этот час каждый каждой суженный
И в глазах крылья птицы Феникс.
Мы дадим бой и распластаемся,
Свежей пажитью кровь смешанная.
На восходе своем мы не каемся —
Мы народ, а не тень занавешенная.

Так винулись слова, контуженны,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.